

05
0-52

ОКтябрь

ЛИТЕРАТУРНО — ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

И ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

1-2

КНИГА

ЯНВАРЬ - ФЕВРАЛЬ

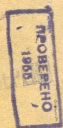
1946

ОКТАБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
Ж У Р Н А Л

ОРГАН СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ XXIII

7296. 1a

ПЕРВАЯ-ВТОРАЯ
КНИГА
ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА 1945

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ — Весна 1945 года, <i>стихи</i> : : :	3
МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ — 1. Снова замерло всё до рассвета; 2. Услышь меня, хорошая; 3. Опять печал- лится над лугом, <i>стихи</i>	9
АЛЕКСАНДР ЯШИН — Настасья; Прогулка, <i>стихи</i> : : :	11
СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ — Рыбьи дела; Без вины постра- давшие; Гигант и цитата, <i>басни</i> . ?	13
ТАТЬЯНА ВЕЛЕДНИЦКАЯ — Солнце с востока, <i>повесть</i> .	16
Герой Советского Союза Г. М. ЛИНЬКОВ — Война в тылу (<i>воспоминания</i>)	80
С. Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ — Моё знакомство с И. Е. Ре- пиным	116

ОЧЕРКИ

АНТОНИНА КОПТЯЕВА — Коллектив энтузиастов . ?	136
С. ГОЛУБОВ — Сокровищница нашей культуры . . .	144

ПУБЛИЦИСТИКА

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ — Там, где судят убийц . . . ?	150
--	-----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В. КИРПОТИН — «Бедные люди» — первый роман Ф. М. Достоевского	160
В. ЕРМИЛОВ — Что такое талант? Мастер. (Главы из книги «А. П. Чехов»).	171

Ответственный редактор Ф. ПАНФЕРОВ.
Редколлегия. Вс. ИВАНОВ, В. ИЛЬЕНКОВ, М. ИЛЬИН, В. КИРПОТИН,
А. ПЕРВЕНЦЕВ, Б. ПОЛЕВОЙ, Г. САННИКОВ (зам. отв. редактора).

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 532, тел. Д 3-32-33.

А—01953. Тираж 60.300. Подписано к печати 28/III 1946 г.

Печ. л. 11½.

Изд. № 274

В печ. л. 60 000 зн.

Зак. № 32.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

АНТОНИНА КОПТЯЕВА

Коллектив энтузиастов

Очерк

«Видеть гордость и славу публичной библиотеки не в том, сколько в ней редкостей, сколько каких-нибудь изданий XVI века, или рукописей X века, а в том, как широко обращаются книги в народе, сколько привлечено новых читателей, как быстро удовлетворяется любое требование на книги, сколько роздано на дом, сколько детей привлечено к чтению и пользованию библиотекой».

Ленин «Что можно сделать для народного образования».

На дворе, уютно замкнутом в два белые крыла дома, было чисто, тихо и пусто. Еле слышно гомозились птицы в молодой зелени сильных чернствольных лип над бассейном круглого фонтана. Татьяна осмотрелась. Тёмное изрытое временем лицо глянуло на неё из-за кустов, окаймлявших плотную асфальтовую дорожку. Татьяна развела руками крайние ветви. Странная гримаса поудилась ей в этих стёршихся чертах, в слепых, еле заметных ямках глаз каменного истукана.

— Какая... уродина! — пробормотала Татьяна, рассматривая плоскую со спины и затылка фигуру в грубо отделанном платье, с маленькими ножками, короткими и толстыми. — Зачем она здесь, при таком доме!

И Татьяна посмотрела снова на дом, светлосерый, как лёгкое облако, на стройные его колонны, на белые гирлянды каменных цветов, и ей снова стало страшновато...

— Трусихы! — сказала она вслух с лёгкой издёвкой. — Не обратно же идти. Вот ещё новости! — и уже решительно, от досады на самой себя, она открыла большую, но послушную дверь и вошла...

Бело-голубой вестибюль, ярко освещённый электричеством. Лёгкие шаги Татьяны почти не слышны на ковровой дорожке. Несколько ступеней вверх, потом вниз, с площадки широкая лестница вправо.

«Этакий свет! Зачем это столько электричества в доме в солнечный день?» — подумала Татьяна. Сразу видны все штопки на её стареньком платье, и ногам неловко ступать в сбитых туфлях, и кажется, не в паспорт смотрит женщина за столом, не в билет, по которому плавно скользит её привычное перо, а на обшарканную сумку Татьяны.

— Имя?

— Татьяна Петровна Зернова. Тридцать...

— Что тридцать?

— Лет... тридцать.

— Образование?

— Сред... низшее.

Лицо Татьяны Зерновой ещё не остыло от

внезапно вспыхнувшего румянца, искры яркого дня вспыхивают в её широких серых глазах, в медно-золотых прядях тяжёлой косы (её единственное украшение), уложенной венцом. Снова решительная и даже злая, входит она в огромный светлый зал. Но никого не задел её вызывающий вид: никто не обратил на неё внимания. Масса людей, находившихся в зале, была занята своим делом — все читали.

Даже странно было видеть так много людей, склонённых над книгами в одной, хотя и огромной, комнате. Длинные, длинные ряды столов. Шорох перелистываемых страниц, точно ветер шелестит под зелёными абжурками. В боковой комнате, уставленной невысокими шкафами, Татьяна долго рылась в ящиках каталогов, царапая бумагу острым пером, записывала шифр и названия книг. У неё руки домохозяйки-работницы: красноватые, с жилочками, с чуть сморщенной сухой кожей.

— Вы, наверное, в первый раз. Давайте я выпишу вам что нужно, — предложила быстрым шопотом соседка по каталогу, кругленькая, небольшого роста девушка, крепкая и свежая, как яблочко. Странно выглядели очки на её полудетском толстощёком лице, но взгляд за ними светился умом и вдумчивой серьёзностью. — Что вы хотите?

— Я хочу поступить в медицинский институт, — тоже шопотом, тоже быстро, но уверенно ответила Татьяна.

— Вы на курсах готовитесь?

— Нет, я не готовилась ещё. То есть я не на курсах. Я хочу самостоятельно, самообразованием.

— Почему же? Ведь это труднее... самостоятельно. Ведь есть же курсы подготовки в вуз.

— Это очень долго будет, если на курсах. Там нужно заниматься не меньше десяти месяцев, а мне надо быстро.

— Быстро? — переспросила маленькая задумчиво и удивлённо. А какое у вас образование вообще?.. Семилетка, и так давно кончили?.. Вы же перезабыли, наверно, мно-

гое... Это страшно трудно будет,— пострадала девушка с выражением искреннего сожаления и интереса.

— Пусть будет трудно!— резко сказала Татьяна, оглянувшись, испугавшись своего одиноко прозвучавшего голоса, и, вся покраснев, почти выхватила своё требование на книгу из рук девушки.

В ожидании выписанных книг Татьяна постояла у стола, потом даже примерилась на облюбованном месте и, оставив на столе блокнот и карандаш, снова прошла вдоль занятых столов и кафедр. Её вело беспокойное любопытство.

Вот, отделанный под красное дерево, уютный зал пернодики. Здесь засесть в уголке и читать, читать. Газеты, журналы. Нет, это потом. Прийти когда-нибудь и сесть спокойно, не торопясь (Татьяна даже ощутила волнуемое прикосновение к свежему номеру столичного журнала). Сесть спокойно...

— Меня зовут Зина,— неожиданно произнёс уже знакомый голос, и свежее личико, солидно украшенное очками в тёмной оправе, выглянуло из-за плеча Татьяны.— Вы напрасно обиделись. Я... Вы знаете, я познакомилась с вашими требованиями... Вы заказали столько книг! Вы неправильно подошли к вопросу, это ещё усложнит ваши занятия... Уверю вас, Прежде всего план нужен, нужно разобраться— как читать и что читать...

— А я бы вас попросила не беспокоиться,— сдерживая гневное волнение, посоветовала Татьяна.— Кто вы такая? Вы работаете в читальном зале?.. Нет?.. Так и нечего вам соваться не в своё дело и расстраивать меня заранее незачем!— Татьяна резко отвернулась, прошла через красно-коричневый зал, разделённый на кабинеты застеклёнными шкапами, открыла наугад дверь, ещё куда-то повернула и вдруг очутилась в большом двухцветном читальном зале. Тут было всё не так, как в том, где она только что была. Этот и ниже и меньше, с уютными деревянными антресолями наверху. И читатели здесь другие: юные девушки и подростки. У одной из кафедр стоит скульптура Чижова: мужик сидит на пепелище, босой, закрыв лицо руками, а меж его широко расставленных колен стоит мальчуган лет шести, тощий, большеглазый, тоже босой и, прислонясь к мужику-отцу, с недетской скорбью и пониманием засматривает в его лицо.

В смежном маленьком зале читали дети от восьми до двенадцати лет, и этот зал пестрел яркими платьями и кофточками, красными галстуками, цветными лентами в косичках. Но вид этого весёлого зала ещё больше расстроил Татьяну. Она остановилась у лестницы и, забыв о заказанных книгах, стала ещё внимательнее присматриваться. Да, и здесь все очень серьёзные. В этом доме, наверное, не улыбаются. Но вот один паренёк с белым вихром засмеялся, зашептал о чём-то. Девочка, глядя на него, фыркнула в ладошку. И снова тихо. Только у кафедр перешёптываются, пошмыгивая носами.

Вот подходит маленькая девочка, вся кругленькая, толстенькая, с остриженной,

как у мальчишки, головой, с живыми чёрными глазами.

— Что тебе дать? — спрашивает педагог, выходящей книги.

— Какую-нибудь смешную.— Пухлые ручки перебирают карточки иллюстрированного каталога, потом цветную карточку книжных обложек.— Вот эту. Про мовдедей.

— Эту тебе трудно будет прочесть. Возьми лучше «Три поросёнка».

Девочка молча кивает,— значит согласна,— пробирается к столу, быстро листает, смотрит картинки и через несколько минут снова торопится к кафедре:

— Тётя, я прочтала!

— Очень уж скоро! Ну расскажи, что тут написано. Ты только картинки, наверно, смотрела? Ты прочитай по-настоящему, вот тогда у тебе дам другую.

Молодая женщина с сияющим лицом быстро прошла мимо Татьяны к антресолям, обвела другую, сходящую вниз по лестнице, прижалась к её плечу и горячо прошептала: — Клавдия Павловна, радость-то у нас какая! Нашёлся... приехал в отпуск. Я просто сама не своя. Он так просил меня не ходить сегодня на работу! Я уж всем рассказала. Может быть, и ваш найдётся ещё? Ведь может вернуться из окружения, от партизан.

— Нет, уж не вернётся, наверно,— глухо отвечает Клавдия Павловна.— Вы насчёт ребёнка?— очутившись подле Татьяны, спросила она через минуту. Сильная, крепкого сложения женщина, с серо-голубыми выпуклыми глазами, с крохотным светлым чубчиком коротко остриженных волос.— Просто так ходить по читальным залам не полагается,— добавила она спокойно и внушительно, но что-то в облике Татьяны Зерновой заинтересовало и её, и выражение её энергичного смугловатого лица смягчилось.

— Скажите...— порывисто тронув её за руку, спросила Татьяна, чутко отметив это, может быть отражённое, выражение симпатии.— Скажите, почему у вас здесь, у детей, такая скульптура.. этот мужик и ребёнок,— ведь это прямо надравляет сердце тому, кто видел..

— Мы поэтому и оставили её за собой. Она заставляет думать,— сказала Клавдия Павловна с тревожным и мягким блеском в глазах.— Мы организовали этот зал в тысячу девятьсот сорок втором году, и их горе,— она указала на скульптуру,— было нам всем так близко и понятно.— Она снова пытливо оглянула Татьяну и, снова смягчась, спросила:— Вы из главного читального зала? Ну, я вас провожу обратно.

— Это все ваши?— спросила Татьяна мимоходом, кивая на подростков.

— Да, это наши. Школьники, учащиеся спецшкол, техникумов, ремесленники, занимающиеся самообразованием.— Разговаривая, Клавдия Павловна по-хозяйски распахнула перед Татьяной дверь в коридор.

Он был пуст и высок — этот длинный коридор, и задумчивые тени прятались в его голых углах. У Татьяны защемило сердце при виде этих голых стен...

— Клавдия Павловна, может быть, я.. может быть, я просто нервная очень,— тихо сказала она и неожиданно села на подокон-

ник.— Но я так издёргалась за последнее время. Поверьте мне, я гордая и никогда не жаловалась и не навязывалась. Но знаете, как иногда страшно ребёнку остаться одному... Вы ведь работаете с детьми, и хотя вы чуточку старше меня, а может быть и не старше... Но у вас такая особенная манера именно потому, что вы работаете с детьми. Вот и я тоже маленькой чувствую себя сейчас...

— Вам должно быть, здорово не повезло?

— Очень!

— У вас были дети?

— Да. Двое. И муж у меня был. И квартира была хорошая... И сама я была хоть не такая уж хорошая, но счастливая. А теперь всё надо строить заново. У меня сейчас, как в этом вот коридоре: много места в душе пусто, и надо заново всю себя переделывать, создавать. Да, пожалуй, так... создавать!— Татьяна встала и уже рассеянно посмотрела на свою новую знакомую.— Я сейчас одну девушку зря обидела, а сама вот к вам потянулась, и мне совсем не стыдно. Нисколько не стыдно!

Она хотела идти, даже не прощаясь, но Клавдия Павловна схватила её цепкой и сильной рукой и, заметно волнуясь, сказала:

— Если вам снова станет грустно... если вам нужен будет человек, который... с которым вы сможете поделиться, посоветоваться, то позвоните мне по нашему коммутатору, добавочный 66. Моя фамилия Анохина, я заведу отделом детской и юношеской литературы.

Поднимаясь на площадку третьего яруса, Зина посмотрела в окно, за окном виднелась только серая прохладно-затенённая стена внутреннего корпуса. То же мелькнуло перед глазами Зины, когда она взбегала на четвёртый ярус. Но уже с пятого яруса окна стали стремительно расширяться: над постройками внутренних корпусов библиотеки возникали всё новые крыши и этажи других домов, и перспективы улиц, и небо открылось, просторное, облачное, голубое, и вдали, как снежные горы, обрисовывались белые громады неведомых зданий.

— Хорошо-то как!

На седьмом и восьмом ярусе огромного дома-кингохранилища работала пятая группа, которой заведывала Зина, но у неё было поручение на четырнадцатый, где будут храниться гравюры. Увлечённая смутным стремлением осмыслить что-то, связанное с открывающейся перед ней величественной панорамой города, она продолжала подниматься по лестнице, не прибегая к помощи внутреннего лифта.

Вот она—Москва—раскинулась без конца, без края. Ух ты, простор какой! Высота какая! Зина припала лицом к просвету в заманном чёбной краской окне, и у неё голова закружилась. Теперь даже просвет в стекле кажется в сотни раз шире окон нижних этажей, а целое окно — это целый мир.

— Так вот и у меня,— прошептала Зина,— сначала десятилетка, потом библиотечный вуз и работа здесь, которая обогащает каждый день, и всё выше поднимаешься, и всё больше видишь.

На незанятом ещё книгами ярусе страшно: уж очень мрачно сквозят пустые полки стеллажей, а между стеллажами внизу видны те же голые полки; смежные ярусы соединены полом-потолком из железных решеток. Только в проходе посредине да на рабочей площадке, делящей ярус на две секции, пол настоящий, крытый линолеумом. Ступая по этому линолеуму, Зина старалась даже не смотреть по сторонам. Ощущение высоты и пустоты вызывало в ней ребяческую оторопь.

«Идёшь и ждёшь—пот-вот провалишься!»

То ли дело в уже освоенном помещении! Как радостно и уютно! И Зина вздыхает с облегчением, когда на обратном пути заглядывает в зал ЭЗТ — зал ценной книги. Она не может отказать себе в удовольствии щёлкнуть выключателем, осветить мимоходом свои любимые полки, и золото разом вспыхнувших обзоров, и роскошные корешки бархатных и кожаных с золотым тиснением переплётов вызывают у неё чувство любовной, прямо материнской гордости. Весь цвет человеческой мысли собран здесь.

Море книг, и каждая книга — от огромного, не поднята, в накладном серебре фоллианта евангелия в полный лист до книжечки «лялялпуста» в 1/64 листа — предает особую заботу. За книгой ухаживают, её берегут, у каждой своё особое место на полке, и когда сотрудницы выносят книги на руках по маленьким, как в детском саду, лесенкам кафедр, и когда их возют обратно в тележках-колясках, и в люльках полдесных кабин, то здесь, в руках работников, они беспомощны, как дети. Но вот они снова вышли из хранилища, из шкафов подсобных фондов и мощным потоком потекли по своим маршрутам — тысячи-тысячи-тысячи — тут они служат сами: они котировались в рейс.

Ценности библиотеки неисчислимы. Но тут выступает новое: их качество. Слова Ленина о роли библиотеки и о значении редкостей известны не только Марье Александровне Кондратьевой — главному библиотекаря отдела старопечатной и редкой книги — или учёному консультанту Григорию Петровичу Георгиевскому, работающему в отделе рукописей пятьдесят пять лет, но и всем сотрудникам — от директора Василия Григорьевича Олишева до уборщицы Шуры.

Хранить ли редкости за семью печатями для учёных-знатоков и одиночек-любителей или донести до всего народа? А народу редкие книги будут интересны и дороги лишь тогда, когда он научится любить книгу вообще. Вот и задача: поднять массового читателя до такого уровня, чтобы он научился понимать и чтить древности. Задача — помочь кадрам растущей интеллигенции ознакомиться с лучшим из всего богатейшего культурного наследия. И вот эти-то задачи определяют направление работы Ленинской библиотеки.

Здесь есть выражение — «запечатать читателя». Это значит — не только удовлетворить его запросы, но и вызвать у него новые, иногда путём активного вмешательства в его интересы.

Неудачная попытка Зины помочь новенькой читательнице очень огорчила её.

«Какая она взрывчатая и злая,— думала девушка, проверяя у лифта приём «сброски» книг.— «Мне надо быстро!» Это на аттестат зрелости-то... Вот чудачка какая! Обложилась, наверно, книгами и утонула во всяких мелочах. Даже не выслучала. Или я не так подошла к ней... А сделала бы запрос, и ей подобрали бы самое необходимое, даже с выборками, раз ей скоро нужно. У нас же не просто механическая выдача».

Запрос! Это тоже новое в работе библиотеки. Центральный справочный аппарат отвечает на самые разнообразные запросы новых читателей, наполнивших все читальные залы и посылающих письма из самых отдалённых уголков страны.

Спрашивают: что читать и как читать. Учреждение запрашивает литературу о железнодорожных туннелях, студент — «где помещены статьи Брюсова о футуристах и акмеистах», запрашивают книги и о «диффузии водорода», и об осаде Смоленска в 1610 году, и что читать по самообразованию для перемены квалификации. К таким запросам сотрудники библиотеки особенно внимательны, так как это по большей части запросы инвалидов войны. Вот недавно один из них — безногий из-под города Калинин — прислал девочку одиннадцати лет с просьбой дать ему рецепт приготовления зеркального стекла для вывесок. И специалист из группы исполнителей справок нашёл и составил этот рецепт. Чтобы иметь представление о размерах справочной работы, надо увидеть собранные здесь на полках тридцать две тысячи справочников, словарей и энциклопедий, сократыющийся фонд наиболее интересных выполненных справок, по которым даются ответы на позторные запросы. При библиотеке есть ещё два пункта приёма справок со своими справочными фондами, и только в один из них (при главном читальном зале) поступает в среднем семьдесят запросов в день.

И вдруг является человек, которому «надо быстро» подготовить себя для поступления в вуз и который, отказываясь от посторонней помощи, хочет всё «сообразить» самостоятельно.

Татьяна облюбовала себе место налево от входных дверей, недалеко от кафедры. Она приходила сюда каждый день и сооружала перед собой на столе настоящую баррикаду из книг. Она сидела, уткнувшись в учебники, не отрываясь часами выписывала, чертила, решала. Худенькое лицо её стало ещё меньше и прозрачнее. Иногда, ошалев от усталости, она поднимала голову и несколько минут сидела, отдыхая, медлительно моргая, рассматривая лепные украшения потолка и широкие хоры, похожие на огромные балконы. Середина двухсветного зала, ничем не стеснённая, поднимается на высоту двух полных этажей, и столько света и воздуха в этом бело-голубом пространстве, так легки колонны у входа и другие над ними на втором ярусе, что Татьяна невольно вздыхала свободнее, вся распрямляясь.

На хорах занимались профессоры и военные специалисты. Там были индивидуальные столики, солидная тишина, Татьяна заглянула туда однажды в минуту отдыха. Там работали над изобретениями, писали научные

труды: библиотека предоставляла этим людям все свои богатства. Желание хоть немножко приобщиться к этому источнику знаний, стать полезнее,— это желание прямо сжигало Татьяну. Самое здание библиотеки привлекало её неотразимо. Одно присутствие здесь облагораживало, и Татьяна чувствовала это особенно остро.

«Тут есть всё. Можно попросить любую книгу — и её принесут. Но это потом,— думала Татьяна.— Мне бы сейчас усвоить самое необходимое. Но как много этого самого необходимого!» — и она снова жадно хваталась за свои книги.

— Вы, наверно, решили нажать себе чашку,— прощелтал кто-то над её ухом.

Татьяна порывисто вскинула голову. Рядом стояла Зина. Всё та же крепышка, с гладким зачёсом блестящих русских волос.

— Я работник библиотеки, и мне очень хочется помочь вам,— продолжала Зина.— Я сама была студенткой и занималась здесь и работала в то же время. Нас была целая группа.

Татьяна молчала, глядя на Зину широко открытыми глазами, серыми, устало-задумчивыми и даже добрыми на этот раз. Теперь странная настойчивость этой девушки только удивляла Татьяну. Или она начинала сдаваться, поняв всю тяжесть дела, взваленного ею на свои худенькие плечи? Или ей вспомнилась другая женщина, тоже встреченная в этом чудесном доме. Как бы то ни было, но Татьяна встала и даже позволила Зине взять себя под руку, когда они выходили из зала.

— Вы так усиленно занимаетесь, что к вам прямо не подступиться,— сказала Зина с искренней весёлостью, забывая о дипломатических подходах.— Хотите немножко рассеяться? Ведь у нас такая чудесная библиотека, у нас столько редких книг, такие рукописи замечательные! Я очень хотела бы показать вам всё это.

Татьяна, ожидавшая другого разговора, посмотрела на девушку с удивлением.

— А какие же это редкие книги? — спросила она довольно равнодушно. И ещё равнодушно выслушала горячий рассказ Зины о древних евангелиях, об автографах знаменитых людей, о роскошных изданиях, в которых не было ничего такого, что пригодились бы ей для сдачи экзаменов на аттестат зрелости.

— У меня сейчас не тем голова занята,— сказала она со всей откровенностью человека, совершенно поглощённого своей собственной идеей.— Может, это очень редкие книги, да мне-то они сейчас совсем не нужны. Пусть уж учёные ими интересуются. Видели вы, как иногда идёт человек с тяжёлым мешком, прямо задыхается... И ему всё равно: красивой ли улицы он идёт или закоулками,— только бы донести поскорей.

— Так ведь мы вам помочь можем, чтобы вы не задумались. Зачем же так? — взволнованно и серьёзно сказала Зина.— Просто слушать обидно! — она прислонилась к перилам,— обе стояли уже на верхней площадке, над лестницей, где была очередная книжная выставка,— и задумалась, шуря близорукими глазами.— Вы, наверно, спешите так из-за материальных трудностей, чтобы

поскорее попасть в студенческое общежитие, правда? Я же сразу угадала, что вы приезжая.

— Приезжая, да. Но я устроилась хорошо, даже в отдельной комнате. Это у родственника моего покойного мужа. Да, муж погиб на фронте,— ответила Татьяна на безмолвный вопрос Зины.— Родственник этот — старый артист, одинокий, очень замкнутый человек. Я числюсь у него домработницей и вправду готовлю ему обед, убираю в квартире, а всё остальное время здесь. Что же лучшее можно придумать для меня сейчас?

— Надо облегчить ваши занятия. Всё равно раньше будущей осени вы никуда не поступите, и то надо быть настоящим героем, чтобы всё подготовить за это время. Надо написать запрос в наш центральный справочный аппарат, и там подберут то, что нужно читать, с указанием самого важного. По отдельным предметам можно найти консультантов. Это тоже будет бесплатно.— поспешно добавила Зина, заметив движение Татьяны.— Я поговорю с Анохиной, у них в детском отделе скоро откроется консультация по вопросам самообразования. Вы её знаете — Анохину? Это такой золотой работник. Детский зал — гордость нашей библиотеки. А ведь она налаживала его, когда у неё было такое большое горе. У неё тоже мужа тогда убили, а она его любила очень, и двое детей у неё осталось. Хотите, я васведу сейчас к ней?

Когда они проходили тем самым коридором, где Татьяна так неожиданно «исповедалась» Анохиной, раздался мощный гул салята.

— Ну вот,— крикнула Зина и, выключив свет, подбежала к окну.— Наши, наверно, ворвались в Пруссию! — и Зина притихла, глядя на радужные отсветы фейерверка.— Жаль, что я не задержалась у себя в хранилище,— добавила она простодушно.— Вы себе не представляете, как это выглядит хотя бы с десятого этажа...

Татьяна ничего не ответила. Трепетные отсветы бродили по её лицу, и она почти ощутила вдруг милое прикосновение тёплых и мягких ребячьих рук. Но это тепло было развеяно, и ничего не осталось для матери на обожжённой и растерзанной земле. Где она взяла силы остаться жить после того? Почему она не сошла с ума? Или вот этот её порыв к учению и есть сумасшествие? Не безумие ли это на самом деле?

— Слышали? — спросила сияющая Анохина, отрываясь от бумаг в папке, и тут же недоуменно взглянула на Татьяну, но, сразу припомнив, встала из-за стола.— Слышали? Наши ворвались в Пруссию!

— Слышали... Не по радио, а салют.
— Вот им теперь за всё! — тихо сказала Анохина дрогнувшим голосом.— Что же это вы? — обратилась она к Татьяне.— И не идёт и не звонит! Я как-то хотела поискать вас в читальном зале, да меня утащили в другое место. Занимаетесь?

— Да ещё как! — ответила Зина.— Вы посмотрите на неё, Клавдия Павловна,— один носик остался.— А бледная-то какая!

— Конечно, не такая, как ты,— сказала Анохина с ласковой улыбкой.— А что, трудно даётся?

— Ещё бы!

— Зато всё сама,— поддразнила Зина.— Если бы вы знали, как она меня шугнула от себя!

— Я знаю.

Татьяна покраснела.

— Что это у вас? — спросила она Анохину, чтобы перевести разговор, потрогав неровные стопочки исписанной бумаги, разложенные на столе.

— Это? Диссертация моя. Вот так: достану, посмотрю, как на милого дружка, да опять в стол. Времени никак не хватает. Но работа здесь — вторая диссертация. Интересно ли работать? Ну, спрашивает! Вот у нас Софья Сергеевна Сиянкина — библиотечкарь-педагог из мальшовского зала... каждый день ездит сюда из Раменского, из под Москвы. Устроилась было там у себя воспитательницей, но не выдержала без книг и через полтора месяца явилась обратно. Коллектив у нас дружный.

— Вы так говорите, Клавдия Павловна, как будто хотите сагитировать товарища к себе,— смеясь, сказала Зина.— Нет, я шушу, конечно, попади она к нам в книгохранилище, я тоже нашла бы чем похвалиться.

— С своим образованием тут и делать нечего,— ответила Татьяна грустно.— Я хочу просить вас помочь мне,— краснея обратилась она к Анохиной.— Вот у вас здесь есть консультанты...

— По математике вам поможет Яков Семёнович Герценштейн,— охотно и весело заговорила Анохина.— Это такой талантливый педагог, что вы будете чувствовать математику, как музыку или поэзию; по истории — Вера Антоновна Авдыкович; ей шестьдесят шесть лет, но это — само вдохновение. А по географии мы обратимся к доценту и методисту Коленкину Александру Александровичу. Он тоже энтузиаст своего дела. По английскому же языку имеется хорошая консультация при главном читальном зале.

Анохина помолчала, потом сказала уже задумчиво:

— Мы ведь не просто хвастаемся. Наши детские залы открывались в тяжёлое время. Стужа была... армия шла уже вперёд, но налёты ещё продолжались. Придётся с кусочком хлеба и работаешь с восьмью часами утра до одиннадцати вечера. Много помогла мне тогда Наталья Яковлевна Горбачевская — заместитель нашего директора. Надо было создать ребятам, не выехавшим во время эвакуации, тёплый уютный уголок для занятий, чтобы они не болтались зря — ведь школа тогда не работала. Нам дали ковры и для начала шесть тысяч книг... Теперь мы подходим уже к сорока тысячам, и посещаемость у нас — до восьмисот человек в день. Вот уж и тесно стало — на лестнице очереди. Все мы мечтаем сейчас об одном: через год — два будет совсем закончено новое здание, и там откроется несколько читален на две с половиной тысячи мест. (Сейчас там уже работают два зала учёных.) Может быть, нам отдадут тогда этот зал, где вы теперь занимаетесь.

— Ах, как это было бы замечательно! — воскликнула Зина.— Дети в таком зале — ведь это просто сказка будет!

Анохина по-матерински улыбулась страстиности восклицания Зины, но у неё самой разгорелись глаза.— Мы и теперь уже ставим вопрос о более серьёзной работе с нашим читателем,— сказала она. За время войны у многих возникли проблемы в образовании, для молодёжи вводится аттестат зрелости, и вот мы организуем эти консультации. Где не помогут, не объяснят родители,— поможем мы. Даже одарённые дети нуждаются в правильном руководстве. Им особенно нужен умный совет. У нас есть такие, например, как Виталий Выгодский,— ученик десятого класса, который разработал и внёс свой признак делимости на одиннадцать. Или Евгений Тамбовцев... Этот приходит и завлечет: «Меня не удовлетворяют стабильные учебники по математике». Нам даже неловко за него стало. А когда с ним поговорил Яков Семёнович, мальчик дал такой критический анализ материала, что ему пришлось рекомендовать серьёзные научные труды по математике. Но это уже вундеркинды. Основная наша задача — поднять общий уровень, расширить кругозор всех наших читателей. У нас есть свой справочное отделение, и его прямо засыпают запросами. Пойдёмте, я покажу вам, какие отзывы дети пишут о прочитанных книгах.

Женщины вышли из кабинета и, пройдя по антресолям, стали спускаться в зал.

— У вас всегда такой порядок?— оживлённо осматриваясь, спросила заметно повзрослевшая Татьяна.

— Всё бывает. Возраст — ничего не поделаешь. Многие только здесь начинают уважать и ценить книгу. Посмотрите, вон там сидит серьёзный такой мальчик, он занимается историей белка. Он работает, как маленький учёный. Вот кафедра малышей — начальная школа. Это кафедра среднего возраста, там юношеская: восьмые, девятые, десятые классы. Мы передаём ребят с одной на другую, как на высшие ступени развития, с записью библиотекаря, с читательским формуляром. Теперь у нас есть возможность проследить рост читателя от школьника до кресла академика.

Снова лето. Но жарких дней в этом году так мало, что сегодня Татьяна особенно рада теплу. Она сидит с конспектом по истории во дворе своей библиотеки, но не занимается, а думает о том, сколько внимания и времени уделила ей консультант Вера Ивановна, действительно вдохновенный творческий работник.

«Для меня, конечно, сделали исключение: на консультациях детского зала бывает только зелёная молодёжь. Но если консультации помогли в эту весну трём тысячам молодых получить аттестат зрелости без посредственных отметок, то «старушка» Татьяна тоже постарается не осрамиться».

Только что при районной школьной комиссии Татьяна сдала на «отлично» экзамен по истории, и настроение у неё было радостно-возбуждённое. Первый в жизни экзамен! Воспоминание о пережитом волнении сорвало её с места. Надо было немедленно поделиться с кем-нибудь своим достиже-

ем. Сейчас же она позвонит Анохиной, потом Зине. О, ведь и они обе будут рады!

Проходя мимо чёрной бабы, Татьяна остановилась и, как в первый раз, пристально посмотрела на неё. Еле улыбаясь усмешка чудилась в стёршихся от времени чертах каменного лица.

— Ты всё такая же!— сказала ей Татьяна,— а я за этот год выросла на целую голову. Вот... экзамен сдала.

— На «отлично»!— крикнула она в трубку телефона и, притихнув, со слезами на глазах вслушалась в голос Анохиной.

Место за библиотечным столом сделалось для Татьяны привычным, своим, и вся библиотека стала, как родной дом. Теперь, прежде чем уткнуться в учебники, которые она прорабатывала по плану, любовно продуманному для неё сотрудницей отдела обслуживания, прежде чем заняться решением задач, анализами и выводами, Татьяна с наслаждением осматривалась по сторонам, отмечала уже привычные лица, ощущая ласковое движение воздуха, вслушивалась в знакомые шорохи книг, страниц, шагов и только потом приступала к делу. Она научилась отдыхать, работая над книгой. Каждое усвоенное правило, каждая обнаруженная и устранённая орфографическая ошибка, каждое географическое открытие отмечались ею, как её собственные. Это настраивало празднично. Но вся масса учебных предметов и заданий была тяжела. И Татьяна трудилась над ними до упаду, складывая их, как фундамент для своей будущей учёбы.

Легче всего было с художественной литературой: до войны Татьяна много читала. Через три дня она пойдёт сдавать геометрию, потом литературу, Алгебра. Физика. География. Тригонометрия. Новые морщины появились на висках Татьяны, синева легла под глазами, но на душе — уверенность, тишина и порядок.

Война окончилась, но сколько в читальном зале людей, живо напоминающих о недавно отшумевшей страде! Многие из них меняют квалификацию, и работникам Ленинской библиотеки предстоит разрешить немало трудных запросов. Нужно помочь людям найти своё место в жизни. Нужно. Очень многое нужно. Но разве этот чудесный дворец книги, приспособленный и для учёного, погружённого в изучение «красочных нот» XIV века, и для восьмилетнего ребёнка, для которого важнее всего живое слово библиотекаря-педагога, разве этот необыкновенный учебный комбинат не отражает в своей работе роста всей страны? А страна стала ещё сильнее, ещё богаче. Значит, всем найдётся и место и дело.

И вот Татьяна сдала все экзамены на аттестат зрелости. Странно и невыразимо хорошо получили этот самый аттестат, когда тебе не семнадцать, не девятнадцать, а тридцать один год. По такому торжественному случаю расчувствовался даже старый нелюбимый родственник Татьяны, потерявший вместе со звучностью голоса способность сочувствовать и радоваться, и преподнёс ей туфли. Эти туфли и почти новое коричневое платье совсем преобразили Татьяну. Даже

рыжеватая копна её волос стала как будто ярче и золотистой. Теперь Татьяна спешно сдавала экзамены в медицинский институт.

Студентка!

Она студентка! Сколько дней и ночей напряжённой работы, сколько волнений и даже отчаяния в минуты неверия!.. И вот — маленькая-маленькая книжечка, студенческий билет.

Пусть впереди ещё пять трудных лет. Что может остановить человека, дорвавшегося до прямой дороги? Теперь можно и учиться и зарабатывать понемножку вышиваньем (больше Татьяна ничего не умела). Можно заслужить учёбой сталинскую стипендию. Можно и в театр пойти... Теперь как будто всё можно. И с каким богатым чувством любви и признательности входит студентка Татьяна в широкие двери своей библиотеки.

Вечером, когда уже зажгли свет и стусились за окнами ранние ноябрьские сумерки, крепкая рука Зины легко прикоснулась к склонённому плечу Татьяны. Доверчивое, дружеское прикосновение, но в лице девушки скрытая лукавинка и ожидание чего-то. А вообще очень серьёзное лицо у Зины. Татьяна встаёт и выходит за нею на лестничную площадку.

— Слушайте, — сказала Зина быстро, — к нам приехал один иностранец, большой любитель книг. И знаток большой. А у нас сейчас выставка переплёта в отделе старопечатных и редких книг. Интересно, что он скажет о наших редкостях! Правда, интересно? Он говорит невозможно и по-русски. Вам самой теперь тоже не мешало бы познакомиться с нами. Тем более, что вы ни разу не ходили с экскурсиями по библиотеке. Пойдёте?

— Конечно, пойду, — серьёзно сказала Татьяна.

Она, исполненная любопытства, а потом и особого почтительного чувства, ходила за Зиной по отделу рукописей. Древние лечебники, написанные ведунями-знахарями, особенно заинтересовали её. Может быть, когда-нибудь врач Зернова придёт сюда, чтобы ознакомиться по-настоящему с этими рукописями. Наверно, там немало всяких занятных вещей. Возле Архангельского евангелия 1092 года Татьяна так и застыла. Рукопись, сделанная во времена половецких набегов на Киевскую Русь, современница Владимира Мономаха! В этом представлении было что-то поистине потрясающее. Татьяне захотелось потрогать невольно обрезанные края пергамента, деревянный переплёт, скрепленный бечёвками и суровыми нитками.

Она посмотрела рассеянно в блестящие оживленные глаза Зины, на её шепчущие, улыбающиеся губы. Взглянула мельком на выпуклые, сверкающие чёрным лаком носки ботинок, выхоленную руку в ослепительно белом манжете, четко державшую древний, пожелтевший свиток.

Какое роскошное пособие по истории книги эти евангелие XVI века, с заставками и изображениями евангелиста, покрытыми настоящим растворённым золотом, с золотыми точками и запятыми на каждой строке, расставленными не как знаки препинания, а для красоты! Есть в этой древней рукописи что-

то напоминающее каменного истукана во дворе. Та же простодушная наивность незрелой мысли.

Или вот ещё «Лицевое житие Сергия Родонезжского» с иллюстрациями на каждой странице. Краски наложены изумительные и по яркости цвета и по богатству подобранных оттенков. На каждом рисунке Сергей изображён в нескольких лицах и движениях. Вот он благословляет Дмитрия Донского на битву с татарами в церкви, нарисованной в разрезе, на общей панораме монастыря, вот он отошёл от князя, и князь на этом же рисунке выходит из церкви, и тут же лошадь подводит. Так дети рисуют. А текст к рисункам выписан клином, последние слова разбиты на слог и даже на отдельные буквы, занимающие целую строчку, а где и этого не хватало, до нижнего края страницы подписаны одна под другой запятыя и точки.

Конюшина, кандидат филологических наук, работающая в этом отделе двадцать пять лет, знакомит иностранца с историей отдельных рукописей, автографов, архивов, объясняет их научное значение, называет имена профессоров, писателей, художников, которым служили эти древние источники в стенах библиотеки.

— А сколько стоит этот уникум? — спрашивает иностранец и тычет длинным пальцем в сочинение Саллюстия в рукописи XV века.

Кандидат филологических наук сбивается на слово и недоумевающе и чуть смущённо пожимает плечами.

— Так сразу трудно сказать. Мы об этом как-то не думали.

«Да, вот об этом-то и не подумали! Сколько же стоит каждая рукопись? — отетила про себя Татьяна, глядя на рабочую тетрадь Джордано Бруно. — Вот это он сам писал, сам делал эти чертежи и вычисления. А потом его сожгли на костре, а это осталось, как реликвия святая. Как же можно спрашивать, сколько она стоит?»

— Вот видели, какой любитель? — шепнула Зина, входя впереди Татьяны в отдел старопечатной и редкой книги. — В книгах он, действительно, знает толк.

Татьяна не нашлась, что ответить, и осматривалась молча. Древним монастырским духом пахнуло на неё от низкого помещения в первом ярусе книгохранилища, от вида книг, расставленных и разложенных по светлым столам. Здесь была выставка переплёта. Закорюченные в железо, с обломками цепей, которыми они были прикованы к аналоям, старожерковные книги произвели на неё впечатление необыкновенное. Но она уже с большим интересом присматривалась к иностранцу. Он не раздумывал над книгами, а знакомился с ними со страстью коллекционера: трогал бумагу, мял бархат и парчу переплётов, разглядывал в лупу тончайший узор сканной работы из серебра. Он даже обнюхивал некоторые книги.

— А сколько стоит этот уникум? — спросил он слова, и узкая выхоленная его рука точно приклеилась к библии, напечатанной на первом станке Гутенберга.

Татьяна быстро взглянула на сотрудницу.

Главный библиотекарь отдела, Марья Александровна Кондратьева, четверть века проведшая среди книг, тоже пожимает плечами:

— Не знаю... наверно, десятки тысяч.

— А сколько стоит этот уникум? — повторяется стандартный вопрос над перикским изданием Пигуше 1490 года (это «Часослов», изумляющий богатством орнамента, сделанного от руки) и над двумя книгами «Апостола», напечатанными Иваном Фёдоровым, один — в Москве и второй — во Львове, с послесловием русского первопечатника о его изгнании и мытарствах.

«Что это он? Как будто в лавку пришёл, — подумала Татьяна с раздражением. — «Сколько» да «сколько». Просто даже стыдно!»

Когда иностранец невозмутимо осведомляется о стоимости «Божественной комедии» Данте, напечатанной в 1481 году, с рисунками Боттичелли, сделанными специально для этой книги, на сцену выступает заместитель заведующего отделом Евгения Ивановна Кацпржак.

— У нас при библиотеке есть специальная комиссия, которая знает состояние цен на книжном рынке. Как ценилась та или другая книга до революции, какие цены на зарубежных аукционах. Там могут установить. — Евгения Ивановна решительным жестом поправляет очки на своём тонком тёмноглазом лице и добавляет: — Мы не знаем цены своих редких книг в деньгах. Мы интересуемся главным образом их культурной ценностью.

— Но это такое... такое богатство, — медленно и вышительно произносит иностранец, останавливаясь над кокетливым льонским молитвенником, вытканым на шелку по заказу дамы из королевского дома, и книгой сочинений Сервантеса — испанский шедевр-озорство, — напечатанной на листах из пробки, такой толщины, как папирсная бумага. Это уникум или, как говорят — инкунабулум.

— Не в том дело, сколько инкунабул мы имеем, а в том, как их подать, — с чувством произносит Евгения Ивановна.

— Продать? — оживлённо переспросил иностранец.

— Не продать, а подать, то есть как поднести народу, чтобы он понял и полюбил их. А понять и полюбить древние книги, как

и всякое культурное... наследство, может только образованный народ.

Но иностранец всё ещё не понял.

И снова Татьяна сидит на своём читальском месте. Она читает и думает. Она отдыхает и думает о своих друзьях — Анохиной и Зине, о Кошкиной, Кондратьевой, о Наталье Павловне Горбачевской, награждённой в этом году орденом Трудового красного знамени.

Скромной сельской учительницей пришла сюда двадцать семь лет назад Наталья Павловна и, начав с маленькой должности «бibtехника», стала заместителем директора библиотеки, имеющей около одиннадцати миллионов книг. Уже работая здесь, окончила Наталья Павловна историко-философский факультет Московского университета и высшие библиотечные курсы, и Зина только одна из многих, которым она помогает теперь расти в труде и в учёбе. Судьба Горбачевской — судьба хорошей советской женщины — особенно волнует Татьяну. Но с наименьшим волнением думает она и обо всём этом коллективе энтузиастов. Татьяна думает и об инкунабулах, о том испытании, которое ей устроила Зина и которое она, кажется, выдержала. Она думает о занятиях в институте, о том — переходить или не переходить в студенческое общежитие, о путёвках в дома отдыха, которые получают летом лучшие из студентов.

Непрерывное движение чистого, свежего воздуха омывает её лицо. Лёгкий шум шагов. Шорох перелистываемых страниц. Сколько воздуха движется в этом громадном бело-голубом зале. Он даже не голубой, а зеленоватый, цвета морской воды, с белыми, как пена, легкими украшениями. Не глядя, Татьяна ощущает над собой в вышине ледаисто-блестящую громаду люстры, рассеивающую ласковый свет над бело-голубым простором. И эти белые под бело-зелёными раковинами абажуров опрокинутые полушария настольных ламп, и гул голосов, несмолкающий, сдержанный, равномерный. Книги идут в рейс по своим маршрутам, идут, как волны прибоя. Тысячи, тысячи, тысячи. Целое море книг. Но уже уверенно отправляется Татьяна в своё большое плавание.